

Крестовый доход

По огромному павильону фабрики «Софрино» бродят священники: выбирают церковную утварь. Батюшка весомой комплекции разглядывает позолоченный алтарный столик, вглядывается в ценник:

- Да, цена немаленькая, 220 тыс.

- Ну, можно найти что-нибудь подешевле, - предложил свои услуги консультант.

- Не надо, - с вызовом ответил батюшка. - Зачем ерунду покупать?

И резюмировал:

- Лучше спонсора найти и сделать все чин по чину.

Найти деньги - самая большая головная боль для всей Русской православной церкви. Она пережила буйные девяностые, испытала себя в коммерции, еле отмылась от потоков компромата и теперь пытается понять, как содержать тысячи приходов, воскресные школы и семинарии, ремонтировать храмы. И при этом попросту не надорваться. Вопреки стереотипам, богатейшая Русская православная церковь не так уж богата.

Перед РПЦ формально и не стоит задача заработать много денег, как перед заводом или пароходством: главное, суметь себя прокормить. Учитывая православное предписанное нестяжательство и средневековую структуру, даже это большая проблема. В эпоху, когда Кремль строит и укрепляет вертикаль власти, а вслед за ним так же поступают крупнейшие госкомпании, Церковь остается единственной организацией федерального масштаба с «филиалами» в каждом субъекте федерации и даже провинциальной городке, которая абсолютно децентрализована. Этакое феодальное государство с почти независимыми вассалами-князьями, которые не любят отчитываться перед сеньором.

В центре, в Патриархии, да и не только в центре, все больше завидуют мирской власти, установившей финансовую и административную дисциплину и, как следствие, получившую почти неограниченные ресурсы. И тем больше, чем ближе передача земельной собственности религиозным организациям - соответствующий закон готовит Минэкономразвития.

БЕЗ ВЕРТИКАЛИ

Единственное, чем похоже общественное устройство России и Православной церкви, так это вопиющим неравенством. Отец Всеволод Чаплин, зампред отдела внешних церковных связей, вспоминает приход в нечерноземной полосе: два монаха, десять недавно освобожденных эзков и натуральное хозяйство. На храм местные подавали картошкой и брюквой, и только несколько старушек, которым в соседней деревне платили пенсию, иногда покупали в приходе свечи и заказывали требы - единственный денежный доход. А недалеко - богатейший монастырь, который нашел спонсоров и наладил хозяйство.

«Нужно искать действенные механизмы помощи более богатых монастырей бедным, - вспоминает Чаплин централизацию и перераспределение, принятые у мирской власти. - На мой взгляд, иногда отдельные приходы и монастыри ведут себя слишком свободно. Приходы и монастыри отдают отчеты епархии, епархии дают отчеты в Московскую патриархию. Но не может быть и нет механизма тотального контроля над их хозяйственной деятельностью».

Все епархии, как говорят в Патриархии, по сути поместные церкви. И хозяйство они будут вести так, как считают нужным. «Иногда епархиальное управление оказывается гораздо беднее расположенных на его территории монастырей, и нередки случаи, когда такого рода «имущественное неравенство» становится поводом для конфликтов епископа с игуменом», - говорит Михаил Эдельштейн, автор книги «Экономическая деятельность Русской православной церкви и ее теневая составляющая».

Отец Всеволод Чаплин уверяет, что для службы достаточно алтаря и священника. Но вряд ли он гордится

тем, что большинство храмов в центральной России стоят без крыш и с дырами вместо окон - как их Церкви передали, так они и держатся. Что делать с разрушенной церковью посреди вымершей деревни, никто не знает, все зависит от священника и того, как он будет «крутиться».

ПРИХОД–РАСХОД

Несколько лет назад священнослужители делились на две группы: «строителей» и «молитвенников». Скажем, настоятель крупного областного храма недалеко от Москвы с неприкрытой иронией выслушивал «отчет» о посещении близлежащего монастыря. «Ну и как они там? - спросил он. - Все лбами об пол бьют под своей дырявой крышей?» И повел осматривать свежие постройки в церковном дворе, с особой гордостью подчеркивая, что недавно без всякого разрешения властей передвинул оградку на несколько метров дальше от храма. Игумен соседнего монастыря передавал хозяйственному настоятелю привет: «Ну-ну, небось все строит. Поди, Богу на Страшный суд свою оградку понесет показывать».

Но сегодня чаще вспоминают про оградку, чем про Страшный суд: умение заработать ценится всеми. И кроме того - не отдать в епархию слишком много.

Сельская церковь в среднем за год зарабатывает от силы тысячи полторы долларов. Чуть богаче жизнь в небольшом городке - в глухом райцентре церковь получает до \$2500 дохода. Весь он уйдет на текущий ремонт и содержание воскресной школы. В городе побольше, и деньги другие: в областном центре храм может заработать тысяч 120–150. Но тоже все потратит: на школу или гимназию, на благотворительную столовую или ремонт - самое дорогое удовольствие.

В каждом приходе есть бухгалтер, который ежедневно ведет журнал: сколько израсходовали, сколько получили - все, кроме пожертвований настоятелю. «Из денег от продажи свечек, книг, ювелирных изделий, исполнения обрядов я каждые три месяца отдаю в епархию 10%, это примерно 10 000 рублей», - рассказывает Newsweek священник одного из приходов, расположенных в Каширском благочинии (районе) Подмосковья, попросивший не называть его имени.

Главный источник доходов - пожертвования. «Вот во всех церквях на всю утварь и услуги ценники есть, но это же незаконно, - говорит священник из Каширского благочиния. - Церковь - это же не коммерческая организация. Поэтому все ценники, которые стоят в храмах за свечки, иконки, символичны, это приблизительная сумма пожертвований».

В Каширском благочинии 14 настоятелей приходов, каждый из которых, по данным священника, ежеквартально возит в Московскую епархию свою десятину. «Вот и считайте. Только с нашего очень не богатого благочиния ежеквартально в столичную епархию отвозится около 140 000 рублей - умножьте на 42, по числу районов в Подмосковье». Получается, что только от подмосковных храмов Московская епархия ежеквартально получает около 6 млн руб. и 10% от этой суммы отчисляет в Патриархию. «А московские храмы, по моим подсчетам, в квартал зарабатывают не менее 10 миллионов», - говорит батюшка.

Но это только официальная сумма, которая фиксируется в бухгалтерских документах. Сколько оседает у самих священников - это «одному богу известно», признается собеседник Newsweek. Платить, понятно, никому не хочется, поэтому в городе с тридцатитысячным населением можно найти храмы, где по официальным документам в год совершается пять отпеваний и два венчания. Но если подойти к этому храму в любое воскресенье - увидишь у ворот два-три брачных кортежа.

«У меня две тетрадки, куда заносятся все приходы и расходы: “белая” бухгалтерия - для ревизоров из епархии, “черная” - для меня, чтоб учитывать кому, сколько, на что отдал. Иначе на жизнь не останется, - объясняет он. - Я пускаю официальные доходы на нужды храма и работающих у меня людей. Из этих денег плачу зарплату продавцу церковной лавки и себе - 5000 рублей ежемесячно. Справку о получении этих денег в налоговую инспекцию ношу. Все остальные, которые храм зарабатывал, в церковной общине оставляю. Живу на спонсорские деньги».

ПОСЛАЛ БОГ СПОНСОРА

Расходование спонсорских взносов - на совести священника. Чаще всего эти деньги передаются настоятелю один на один; оставлять всю сумму себе или потратить на обустройство прихода - решает настоятель.

Александр Бугаевский, который представлял Московский патриархат в правительстве по вопросам возвращения церковного имущества, знает много скверных примеров такой самостоятельности: «У нас самый богатый приход - подворье в Бари, в Италии, где мощи святителя Николая. Настоятель там собирает

огромные деньги, часть передает в отдел, но я думаю, что это крохи. В зданиях сидят вроде бы арендаторы, но не видно, чтобы здания работали для паломников».

У священника из Московской епархии даже терминология та же, что у спонсоров: «Если ты настоятель, а не один из причастников, то сам распоряжаешься деньгами. И тогда ты в шоколаде. Хотя есть среди нас и те, кто думает только о Боге, а не о мирских благах, и все средства от спонсоров, пожертвований, треб и продаж, кроме положенного епархиального “отката”, тратит на общину и свой храм».

Священники говорят, что в 90-е было много хуже - не в смысле стяжательства настоятелей, а в смысле их безопасности. «Сейчас прихожане бедные, но смиренные, не то что были лет десять тому назад, - рассказывает батюшка одной из церквей Костромской епархии. - Вот помню случай был. Ко мне братки из Костромы часто приезжали, деньги на реставрацию храма жертвовали. Как-то раз по осени приехали встревоженные и говорят: “Молись за нас, батюшка. Стрелка у нас с серьезными людьми”. Прошло время. Я уже и забыл про них, а тут вечером стук в окошко. Открываю - на пороге “спонсоры” стоят, глаза кровью налитые. Один начинает орать: “Ну чего, батюшка, плохо ты за нас молился! Наших-то поубивали! Давай-ка деньги, что мы тебе давали, обратно».

По словам священника, от такой наглости он потерял дар речи, а наутро отправился в Москву к однокурсникам - до принятия сана он учился в Высшей школе КГБ: «Вот ребята с братвой и разобрались, по мирским понятиям».

Теперь же православный спонсор - это бизнесмен, который по пути на свою виллу заехал в церковь и из карманных денег оплатил ремонт. Самый распространенный вариант - поставить часовню. «К сожалению, у нас сейчас любят, чтобы табличка была: это построил Иван Иванович Иванов», - вздыхает Всеволод Чаплин. Он, конечно, признателен за заботу, но сожалеет, что мало кто из спонсоров берется за менее «престижные» проекты вроде бесплатной столовой.

Такой благотворительностью занимаются крупные околоцерковные фонды. «Существует большое количество таких организаций, как, например, Клуб православных предпринимателей, Единство православных народов, Фонд Андрея Первозванного, - перечисляет Андрей Себенцов, председатель комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве. - Они не являются религиозными организациями, но расходуют средства на цели, которые благословлены Патриархией: издают журналы, восстанавливают храмы, организуют миссионерскую работу и [паломнические] поездки».

В средствах они не стеснены - тот же Фонд Андрея Первозванного курируют Российские железные дороги. Заполучить такого спонсора - счастье не только для прихода или даже епархии, но и для метрополии: в бюджете Московского патриархата огромные дыры.

БЮДЖЕТ ПАТРИАРХА

На Архиерейском соборе утверждают бюджет Московского патриархата - данные эти скрыты от общественности. Это общецерковный бюджет - деньги, которые из центра пойдут на восстановление больших монастырей, на высшие церковные учебные заведения - например Духовную академию, на содержание Синода и патриарха со всем аппаратом управления церковными делами. На всё это епархии выделяют от 10% до 30% своих доходов. Звучит громко, но эти миллионы - всего лишь десятая часть от того, что потом будет потрачено на общецерковные нужды.

Бюджет Патриархата год за годом дефицитен. Последние открытые сведения - из доклада патриарха Алексия II на Архиерейском соборе в 2004 г.: «За период с 2000-го по 2003 год взносы епархиальных управлений на общецерковные нужды составили лишь 6% от всех поступлений». Одни лишь московские храмы дают раз в пять больше. После чего святейший раскритиковал «некоторые епархии» за то, что они, похоже, игнорируют центр.

Как сказали Newsweek в Патриархии, и ситуация, и цифры за три года почти не изменились. «Вы удивитесь, если мы откроем эти цифры [центрального бюджета], насколько они малы. Нам никто и ни за что не поверит», - пожаловался Newsweek руководитель пресс-службы Патриархии отец Владимир Вигилянский.

Основной доход Патриархия по-прежнему получает от деятельности художественно-производственного предприятия «Софрино», ежегодная прибыль которого близка к 100 млн руб., уверяет исследователь Эдельштейн. За последние пять лет «Софрино» сделало то, что не удалось государству, - удвоило производство. Теперь это целый заводской комплекс за высоким забором, с собственной охраной, парковкой и храмом. Здесь делают всё: от свечей и риз священника до позолоченных куполов. Отдел сбыта «Софрино» -

несколько больших павильонов, которые напоминают мебельный склад. Только здесь вместо диванов и кухонь выставлены алтари, распятия и т. д.

Завод фактически монополист на рынке религиозной продукции, к тому же имеет льготы: с предметов культа не взимается НДС. Товар идет не только в Россию, но и за рубеж. Кресты здесь заказывали даже копты. Правда, таможенных льгот нет - что понятно, учитывая скандалы 90-х. «Если везете больше пяти икон - это уже считается экспортом», - поясняет протоиерей Вадим Поликопа, настоятель местного храма при софринском заводе. Он сам родом из Харькова и знаком с проблемой не понаслышке: «Вот и договариваются батюшки, кто как может. Если есть знакомый на таможне - проблем не будет; если нет - придется платить по \$200 с каждой стороны, чтобы таможенники не заметили, что у тебя в сумке».

Если бы не «Софрино», Патриархат бы, наверное, давно обанкротился; поэтому гендиректор завода Евгений Пархаев, пусть человек светский, но в Церкви очень уважаемый. Он же реализовал другой доходный проект РПЦ - гостиница «Даниловская» оказалась такой прибыльной, что выросла в настоящий паломнический центр при Даниловском монастыре. Два эти предприятия приносят РПЦ до половины общецерковного дохода.

На ближайшие годы Церковь нашла еще один источник дохода - она планирует активно заниматься строительством. В том числе для этого создан Центр инвестиционных программ РПЦ. Строительство на церковной земле будут вести сторонние инвесторы, которые за «соучастие» получают долю в готовых объектах. Например, в московском бизнес-центре «На Спартаковской» около метро «Бауманская» 70% принадлежат инвестору, а 30% - находящемуся неподалеку Богоявленскому собору (доход последнего от деятельности центра - более 60 млн руб. в год). Среди других «церковных» проектов в столице - возведение офисного здания на Пятницкой улице, жилых комплексов в разных районах, а также торговых центров, гостиниц и т. д. Строить будут не только в столице - в плане сеть трехзвездочных отелей в Центральной России, «Гостиный двор» в Твери, жилье в Суздале и Владимире.

Инвестцентр только заработал, а его уже вовсю ругают недоброжелатели. Юрист Александр Бугаевский, представляющий Церковь в имущественных вопросах, возмущается: «Они берут часть церковной земли и строят на этом месте дом. На проспекте Мира в Москве строится 10-этажный дом, инвестор получает 70%, доля города - 17%, храма - 13%, или один этаж с хвостиком. Я спрашиваю старосту: мил-человек, а ты что, не мог одноэтажный дом с мансардой сам построить? Отвечает: ну вообще-то мог. А зачем ты так церковную землю обременил?» По его мнению, церковную землю в ход пускать нельзя, она должна «копиться и приумножаться».

Но настоятели храмов в Москве думают иначе. Чтобы получить немедленный доход, священники вынуждены соглашаться на кабальные условия. Например, московское правительство может выпустить распоряжение, по которому церковное здание будет находиться не в пользовании, а в аренде, и церковь получает право сдавать его в субаренду. «При этом основная часть денег, по сути, переходит в казну города», - объясняет схему Александр Бугаевский. Получается, что московское правительство как бы делает доброе дело и при этом не остается в накладе.

Но настоящая беда может случиться, когда Православной церкви передадут землю и прочее имущество в собственность.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Земельный вопрос может взорвать бедное, но чинное существование Церкви. Причем, уже в самое ближайшее время: Минэкономразвития должно в этом году разработать законопроект о передаче имущества религиозным организациям. Сейчас земля под храмами у всех конфессий в безвозмездном пользовании. Если перейдет в собственность - РПЦ по размеру земельных владений сможет тягаться с «Газпромом» и РЖД. И уже вовсю идет дискуссия, кто должен этим имуществом распоряжаться - Патриархия, епархии или вовсе приходы.

«Храм в селе - понятно; если он кафедральный или относится к духовной академии или еще какому-либо епархиальному учреждению, то правильно, что храм переходит к епархии. Но если это обычный приход, мне кажется, что неправильно отдавать его прямо епархии», - рассуждает Андрей Себенцов, чиновник правительства по связям с религиозными организациями.

В РПЦ об этом говорят только с глазу на глаз: если все земли отдадут центру, то епархии могут и взбунтоваться, вплоть до перехода в другую юрисдикцию - например, из Московского патриархата в Константинопольский. Так что центр не станет настаивать на своем праве, снова надеясь на

уступчивость архиепископов и епископов.

И, как опасаются в патриархии, снова начнутся разговоры о богатстве церкви и ее слишком тесных связях с государством - вот и академики РАН уже написали письмо про угрозу клерикализма. Что и говорить - тяжело быть главной церковью в светской стране.

«Был бы дом на Долгоруковской, 23 не храм, а мечеть, то директор студии “Союзмультфильм” вылетел бы оттуда уже 10 лет назад с треском», - жалуется на старые раны Александр Бугаевский, который больше десяти лет воюет за церковь в Москве, где с советских времен разместились мультипликаторы. Дом за последние 75 лет сильно перестроили, и, как только РПЦ получит здание, придется всё начинать сначала: строители, техника, стены, перекрытия. Ну и новый алтарь и иконостас из «Софрина» - если спонсор поможет и денег хватит.

Эдуард Михайлов, Александр Раскин

Перерыв на обет

Оттирать застывшие кляксы свечного воска, которыми обычно после службы густо закапан пол в храме, — работа сложная. Сначала нужно вскипятить воду, потом, опустившись на колени, лить крутой кипятком на восковые лужицы и тут же, пока вода не остыла, тереть пол специальной ворсистой тряпочкой. Колени и поясница очень быстро затекают, руки жжет нещадно. Больше всего возни всегда у канона, куда ставят свечи за упокой.

Именно такое «послушание в храме» обычно достается паломникам в Свято-Троицком Ново-Голутвине женском монастыре — простая работа за кров и еду; за сотни лет принципиально ничего в монастырском хозяйстве не поменялось. Кто мог — пожертвовал денег, кто захотел — пришел поработать своими руками. Бесплатные рабочие руки по-прежнему основа монастырского благополучия.

Стать паломницей несложно — подойти к дежурной сестре, сказать о своем желании - и, если матушка благословит (если есть места в монастырской гостинице, с этим проблем быть не должно), можно жить и работать.

В гостинице — трапезная, душевая, около 30 номеров, медицинский центр. Мою соседку по келье зовут Наталья. На вопросы она отвечает односложно или не отвечает вовсе, почти не расстается с толстой книгой «Философские пропасти». Кельи — небольшие светлые комнаты, в каждой по четыре кровати, застеленные покрывалами из IKEA, шкаф, столик с иконами.

Мать Екатерина, «ответственная» за паломниц, выдает комплект чистого белья, объясняет строгие монастырские правила. Не курить, не браниться, в кельях разговаривать вполголоса, после полуночи на улицу не выходить (территорию охраняют собаки без привязи), фотографировать ничего, кроме основного храма, нельзя. Да и тот только снаружи.

Фотографировать хотелось больше, чем курить. Рядом с вольером, где бегают огромные, грозного вида, но очень красивые «среднеазиаты» (в монастыре питомник, породистых щенков разводят на продажу), за сеткой-рабицей живет верблюд. «Его Синай зовут, — говорит мне девочка-подросток в черном платке послушницы. — Его нам космонавты подарили, прямо из Казахстана привезли». Живет он здесь давно, по словам маленькой Татьяны, «больше трех лет точно»; к нему все привыкли, и, кроме паломниц, он никого не удивляет. Он даже стал ориентиром — «траву вон туда, “за верблюда”, выбрасывайте».

Сестре Татьяне 14 лет. В Ново-Голутвине живут две ее тети — инокини. «Меня сюда привезли, когда мне 11 было, — говорит девушка. — Страшно вспомнить — вообще без Бога жила». «Сначала все послушницы, как я, потом — инокини, ну а потом, Бог даст, монахинями становятся», — важно сообщает она.

Татьянин «пост» обычно в храме. Она вместе с еще одной сестрой стоит за свечным ящиком, во время службы поет на клиросе, раздает задания паломникам. Здесь у каждой свое дело и свое послушание. Кто-то работает в мастерских — иконописной, золотошвейной, резьбы по дереву, керамической (паломниц туда не пускают); кто-то на подворье в селе Карасево. Сестры питаются, что называется, «от трудов своих» — у них огороды, сады, коровы, лошади, молочный цех и сыроварня. Поэтому, наверное, более чем из 70 сестер на глаза мне попадаются человек 6–7, остальные всегда за работой.

В основном это молодые красивые девушки, на вид не старше тридцати. При этом многие из них живут в монастыре уже десять, а некоторые и пятнадцать лет. Несколько сестер учатся в Тимирязевской академии.

Судя по фруктовому саду за кованой оградой, сестры лекций не прогуливают. Сад совсем молоденький, но деревья уже облеплены огромными грушами и яблоками необычной формы.

Да и настоятельница обители игуменьи Ксении (в миру Ирины Зайцевой) нет еще и пятидесяти. Она выпускница журфака, из семьи искусствоведов, получила монастырь 15 лет назад. В Коломне все знают про Ново-Голутвин – это тот, где настоятельницей Ксения. Говорят еще и о внушительных подаяниях. Насколько это правда – неизвестно. Но часовня в монастыре действительно построена на пожертвования (руками сестер, кстати, которые обучены плотницкому делу) – об этом свидетельствует табличка на ее стене; резной иконостас в Покровском храме – подарок губернатора Московской области Бориса Громова.

В Советское время корпуса обители использовались как угодно – было здесь и управление милиции, и общежитие, и коммунальные квартиры. Архитектура всего комплекса за это время изменилась – новые владельцы то строили перегородки, то сносили их, прорубали двери, оконные проемы. В 80-х территория монастыря выглядела просто заброшенной стройкой. Именно в таком виде в 1989-м его передали РПЦ для создания в нем женской общежительной обители. На фотографиях конца 80-х – руины. Сейчас – идеально-ровные стены, стеклопакеты, центральное отопление. По двору то на стареньком «пассате», то на уазике лихо рулит кто-нибудь из сестер.

– Не у всех, конечно, права есть, но у половины из нас точно, – хвастает молоденькая инокиня, в обязанности которой входит каждый день выносить три клетки с попугаями в яблоневый сад.

– Инструкторы в автошколе, наверное, очень удивлялись?

– Поначалу только, потом привыкли.

Она укрывает клетки лопухами, чтобы полуденное солнце не сильно пекло птицам. «Это Гриша», – говорит она и уходит. Гриша смотрит маленьким неподвижным глазом и, идеально точно имитируя голос сестры, произносит: «Спаси-и-и, Господи, спаси-и-и Господи».

Автор: Вера Шенгелия © Русский Newsweek РЕЛИГИЯ, РОССИЯ 👁 3530 07.10.2007, 17:12 📌 156

URL: <https://babr24.com/?ADE=40332> Bytes: 22988 / 22966 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Вера
Шенгелия.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)